

Обновление включало следующее:

Первое.

«Награда за 2-й уровень показателя выращивания.

По мере расширения посевных площадей и роста разнообразия выращиваемых культур ваша способность ускоренно пробуждать семена больше не ограничивается культурами с высоким показателем выращивания. Теперь при затрате определённого количества сил любые семена могут быстро прорасти под воздействием вашей воли.»

Эта функция усиливала уже существующую основу. Цзян Лэ наугад достал из угла склада семя низкоуровневого мутировавшего растения. Стоило ему только пошевелить мыслью, как семечко размером с рисовое зерно вдруг словно увеличилось в его сознании. Затем, в том темпе, который выбрал Цзян Лэ, из середины семечка пробился нежный росток. После этого семечко упало на один из участков поля и почти мгновенно выросло в маленькое мутировавшее растение 2-го уровня.

Только чёрно-бурая почва участка, обозначавшая плодородие, в тот же миг будто выжалась досуха и превратилась в пересохший, сбившийся ком земли. Сам Цзян Лэ при этом не почувствовал, что у него отнялись какие-либо силы.

Выходило, когда система говорила о затрате сил, речь, возможно, шла о ситуации, когда семя не могло получить достаточно питательных веществ, но его всё равно принудительно подталкивали к росту. Только тогда это должно было затрагивать самого Цзян Лэ.

Второе.

«Транспорт начального уровня.

Для удобства торговли между фермой и внешним миром добавлена транспортная функция. Как владелец фермы, вы можете использовать птиц и зверей, находящихся на территории фермы, и, исходя из особенностей разных живых существ, сделать их частью связи с внешним миром.»

К этой функции также прилагалась динамическая карта. На ней ферма находилась в центре окружности, а от неё во все стороны расходились бесчисленные пунктирные линии, соединявшие ферму с внешними базами, где уже велась торговля семенами и рассадой. Если нажать на соответствующую базу, появлялись текущие потребности этой базы в семенах и саженцах, а также подходящий транспорт.

Например, почтовые голуби, домашние куры, лошади, мулы и так далее. Если был доступен водный путь, в список могли даже включаться рыбы.

Третье.

«Улучшение функции мастерских.

Добавлены текстильные, пищеперерабатывающие и другие мастерские и фабрики. Хозяин может проводить соответствующие улучшения и строительство в зависимости от собственных потребностей развития.»

Остальные пункты в основном сводились к простым улучшениям уже существующих функций фермы: уровень безопасности фермы снова повысился, функция приёма была ещё раз детализирована, при использовании функции широкого оповещения теперь можно было видеть более подробный прошлый опыт тех, на кого направлялось оповещение.

Поскольку в последнее время торговля семенами и рассадой между фермой и внешним миром становилась всё чаще, прежнего объёма продукции фермы постепенно начало не хватать. Расширение посевных площадей и наём новых работников тоже стали неизбежными.

Пока питомцы ещё не проснулись, Цзян Лэ полностью погрузился в распределение дел на новом этапе развития фермы. Он снова активировал функцию широкого оповещения и начал отбирать обычных выживших на ещё более широкой территории.

Но к удивлению Цзян Лэ, когда функция широкого оповещения была включена в третий раз, площадь отбора увеличилась, условия уже отличались от прежних, а подходящих людей оказалось немного меньше.

Конечно, здесь был и тот фактор, что в жестоких условиях обычные люди жили недолго. Но шестое чувство Цзян Лэ всё равно подсказывало: что-то здесь не так.

Как бы то ни было, после запуска третьего плана приёма Цзян Лэ всё же успешно использовал функцию оповещения и перехватил больше пятисот беженцев. На основе двух предыдущих партий принять третью партию было не так уж сложно. К тому же посевные и животноводческие площади фермы расширились, количество разных мастерских и фабрик увеличилось, многие виды работы требовали более тонкого разделения. Всё это могло обеспечить достаточное количество рабочих мест, чтобы эти люди нашли на ферме своё место.

Целых два дня всё время, кроме еды и сна, Цзян Лэ вкладывал в планирование фермы. Только убедившись, что на новом этапе в её работе не возникнет проблем, он немного отвлёкся.

Незаметно биологический справочник уже разросся до толстой книги. На его страницах плотными рядами были записаны сведения и особенности всевозможных мутировавших видов.

Взгляд Цзян Лэ скользнул в пространство. В центре треугольной зоны, образованной тремя питомцами, находился метеорит. Он парил в воздухе над такой же каменной платформой, не

касавшейся земли, и непрерывно испускал наружу волны энергии.

Это была награда за полное исследование третьей охотничьей карты: разлагатель метеоритной энергии. Через эту каменную платформу энергия метеорита могла высвободиться гораздо стабильнее. Хотя метеорита, размещённого сверху, было недостаточно, чтобы все три питомца совершили прорыв звёздности, его густая, насыщенная энергия могла защитить их от случайных рисков во время повышения уровня.

Начиная с этого этапа скорость повышения Цзян Лэ уже должна была уступать скорости питомцев. Но благодаря доверию, накопленному в разных боях, Цзян Лэ верил: и волчонок, и кровавая лоза, и лекарь-женьшень в любой момент останутся его товарищами, сражающимися с ним плечом к плечу.

Прошёл ещё день. Цзян Лэ смотрел на карту в системном интерфейсе, где беженцы непрерывно приближались к ферме. После дальнейшей детализации функции приёма над головами этих беженцев тоже появились световые точки разных цветов. Красный свет обычно означал, что в прошлом они совершили нечто чудовищное. Только в такие моменты Цзян Лэ нажимал и просматривал их конкретный опыт, а уже потом решал, продолжать ли приём.

Слово «чудовищное» требовало анализа в каждом конкретном случае. В конце света, чтобы выжить, люди часто активно или вынужденно совершали поступки, неприемлемые для человека мирного времени. Пока дело не было действительно продиктовано злым умыслом самого человека, Цзян Лэ чаще всего не обращал на это внимания.

За спиной послышалось движение. Цзян Лэ закрыл карту, обернулся и увидел, что первой проснулась кровавая лоза.

Цзян Лэ достал со склада несколько кусков вкусного мяса мутировавшего зверя и отдал кровавой лозе. Часть лоз кровавой лозы принялась есть, а часть дочерних лоз отделилась от материнского тела, подпрыгнула к Цзян Лэ и стала смотреть, как он сверяет на системной панели её показатели после только что завершившегося повышения.

— Хозяин, ну как?

Несколько дочерних лоз запрыгнули на плечо Цзян Лэ и вдруг сплелись в фигурку, похожую на маленькую собаку из лоз. Фигурка уселась там всем задом. Ещё две лозы на собачьей голове повернулись назад и напряжённо принялись в сторону волчонка, готовые за одну секунду отстрелиться прочь.

— На этот раз повышение прошло очень хорошо. Ты потрудились, — с улыбкой сказал Цзян Лэ и похлопал лозовую собачку у себя на плече.

В этот раз скачок в показателях кровавой лозы был гораздо сильнее прежнего. Скорее всего, это было неотделимо от разлагателя метеоритной энергии. Если бы нынешнюю кровавую лозу

снова забросили в тот самый зомби-городок, ей, пожалуй, хватило бы одной лозы, чтобы прорезать насквозь целую толпу зомби-королей 6-го уровня.

Дочерние лозы спрыгнули на землю. Лозовая собака замахала хвостом перед Цзян Лэ.

Под непрерывное жевание за спиной кровавая лоза снова спросила:

— Хозяин, дальше мы возвращаемся домой?

Обычно, если Цзян Лэ долго отсутствовал на ферме, он потом на некоторое время увозил их обратно. Кровавая лоза думала, что и в этот раз будет так же. Она уже даже начала мысленно планировать, как оторвётся на ферме за это время, но неожиданно Цзян Лэ покачал головой и сказал:

— Пока не возвращаемся.

Кровавая лоза хотела было спросить, куда Цзян Лэ тогда собирается и что намерен делать, но её чутьё оказалось быстрее языка и уловило колебания энергии в воздухе. Лозовая собачка, которая только что виляла перед Цзян Лэ туда-сюда и вовсю подлизывалась, мигом рассыпалась. С шорохом она превратилась в мёртвые лозы, распластавшиеся по земле.

Цзян Лэ почти одновременно почувствовал энергетические колебания за спиной. Только он ещё не успел обернуться, как огромный мутировавший волк уже приблизился сзади. Одна только его пушистая голова была почти ростом с Цзян Лэ. Волк уже сознательно сделал жёсткую шерсть мягче, но когда она тёрлась о кожу Цзян Лэ, всё равно казалась немного грубой.

Цзян Лэ повернул голову и встретился взглядом с прозрачно-голубым глазом, почти размером с его собственную голову. Мутировавший вид 10-го уровня с шестизвёздным потенциалом уже был существом королевского ранга на этом материке. Одного его появления хватало, чтобы давление его присутствия стало невозможно не заметить.

Взгляд волчонка чуть опустился и упал на дочерние лозы, притворившиеся мёртвыми на полу. Он молчал, но одного этого взгляда кровавой лозе уже хватило, чтобы мгновенно понять: её только что поймали на том, что она строила из себя собаку. В ту же секунду у неё будто половина заливка похолодела.

Под влиянием материнского тела дочерние лозы тут же изменили форму, собираясь превратиться в жидкость, просочиться в землю и вернуться к материнскому телу. Но волчонок не собирался их отпускать. Цвет его глаз лишь едва изменился, и только что начавшие разжижаться лозы в один миг, скованные льдом, застыли на месте. Всё произошло почти в ту же секунду, когда изменилась его мысль.

Кровавая лоза завопила пару раз:

— Больно, больно!

Хотя она прекрасно знала, что с несколькими дочерними лозами ничего не случится и боль никак не повлияет на материнское тело. Кровавая лоза просто нарочно пыталась привлечь внимание Цзян Лэ, чтобы найти для себя тонкую ниточку спасения.

Но Цзян Лэ действительно поддавался на такое. Он выступил для кровавой лозы миротворцем. Чуть отклонив голову, чтобы увернуться от волчьей морды, прижатой к нему, он отвлек внимание волчонка:

— Колется.

Услышав голос Цзян Лэ, волчонок и правда перевёл взгляд обратно. А потом в мгновение ока превратился в человека и встал рядом с Цзян Лэ. Его силуэт лишь на миг дрогнул, и на теле уже появился полный комплект одежды.

Волчонок протянул руку, поддержал лицо Цзян Лэ и повернул его щёкой к себе. Он обнаружил, что Цзян Лэ не совсем соврал: там, где кожа тёрлась о волчью шерсть, щека Цзян Лэ действительно чуть покраснела.

Волчонок большим пальцем мягко провёл по покрасневшему месту. Неизвестно, о чём он думал, но он потёр так несколько раз. Цзян Лэ стало немного неловко.

— Что ты всё трогаешь моё лицо?

Он оттолкнул руку волчонка, но голова волчонка снова придвинулась. Теперь кожа касалась кожи, и ощущения наконец стали мягкими. Влажные губы во время этого прикосновения то ли намеренно, то ли случайно скользнули по щеке Цзян Лэ.

На самом деле более близкие действия уже случались не раз. Но сейчас впервые у волчонка было достаточно сил, чтобы собственной мощью подавить волю Цзян Лэ.

Это было видно хотя бы по текущей силе волчонка в системном интерфейсе. Цзян Лэ не то чтобы совсем ничего не чувствовал. Просто он не смотрел на это прямо и подсознательно надеялся, что слишком много думает.

Кровавая лоза успела за этот промежуток времени заставить несколько замороженных дочерних лоз вернуться к материнскому телу. В душе она, конечно, считала этого волка властным до извращения, но если смотреть с точки зрения биологического инстинкта, где слабых пожирают сильные, кровавая лоза тоже признавала такую логику: сильный может владеть лучшим.

Цзян Лэ стоял перед зеркалом. Его черты в отражении претерпевали очень тонкие изменения: от бровей до глаз, от щёк до подбородка. Лицо из выдающегося постепенно становилось немного обычным.

После этого повышения контроль Цзян Лэ над собственным телом поднялся на новый уровень. Это было одним из проявлений. Цзян Лэ по собственной воле мог на короткое время менять внешность и рост. Пока его сознание оставалось ясным и устойчивым, такая перемена тоже была стабильной.

Цзян Лэ вышел из ванной. Теперь со стороны он выглядел как молодой человек чуть за двадцать, с совершенно обычным лицом и обычным ростом.

— Ну как? — Цзян Лэ слегка приподнял подбородок в сторону волчонка.

Волчонок стоял перед шкафом и разбирал одежду. Строго говоря, разбирал свою одежду.

Несколько комплектов, заказанных у портного раньше, уже были готовы. Через доску сообщений Цзян Лэ попросил Мао Сяофэя положить их на склад фермы. Так Цзян Лэ мог напрямую достать эти вещи из пространственного склада.

Сейчас волчонок вешал свою одежду в шкаф Цзян Лэ. В том, чтобы повесить одежду в шкаф, вроде бы не было ничего неправильного, и Цзян Лэ не стал его останавливать.

Взгляд волчонка упал на лицо Цзян Лэ. В глазах появилось лёгкое недоумение.

— Зачем ты стал таким?

— Так удобнее выходить наружу.

Цзян Лэ заметил, что взгляд волчонка заметно отличается от обычного, и вспомнил некоторых собак, которые не узнают хозяина, стоит ему переодеться. Хотя это нельзя было полностью перенести на нынешнюю ситуацию, у Цзян Лэ всё равно проснулось озорство.

В человеческом облике волчонок был очень настойчив в некоторых ласковых действиях. Потереться, прижаться, приклеиться рядом было для него делом привычным. Но перед таким чужим и не самым красивым лицом, может, теперь очередь волчонка почувствовать неловкость?

В душе Цзян Лэ шевельнулась лёгкая мстительность. Он подошёл к волчонку и нарочно стал дразнить щенка:

— Давай, потрись о хозяина.

Говоря это, Цзян Лэ раскинул руки. Он был уверен, что волчонок сейчас не подойдёт.

И действительно, Цзян Лэ увидел, как в глазах волчонка мелькнуло слабое удивление. Он уже собирался рассмеяться, но человек, стоявший в нескольких метрах от него, вдруг появился прямо перед Цзян Лэ. Прежде чем Цзян Лэ успел отказаться, волчонок крепко обнял его и склонил к нему голову. Его губы коснулись щеки Цзян Лэ, затем уха. Огромное ощущение вторжения мгновенно окружило Цзян Лэ так плотно, что он едва не подпрыгнул.

— Запах совсем не изменился. Очень нравится, — голос волчонка прозвучал у Цзян Лэ за ухом, и в нём слышалась удовлетворённость существа, вдоволь напывшегося запахом Цзян Лэ.

Цзян Лэ почувствовал, что сам напросился. Как он вообще мог применять к волчонку логику тупой собаки из мирного времени?

— Всё, потёрся, теперь можешь отпустить, — Цзян Лэ попытался оттолкнуть волчонка.

Волчонок и правда послушно отпустил, но сам не отступил. Его лицо всё ещё было очень близко к Цзян Лэ, кончики их носов почти соприкасались.

— Ты ещё не погладил меня по голове, — сказал волчонок.

Раньше это всегда входило в порядок щенячьей ласки.

Прозрачно-голубые глаза волчонка большую часть времени были холодными, но когда они смотрели на Цзян Лэ, то походили на мелководье под солнцем, на морскую воду, наполненную мягкими, спокойными чувствами. От этого у Цзян Лэ, стоило ему поднять глаза, сердце сбилось на лишний удар.

Ухо, которого только что коснулись, само собой начало горячить. Цзян Лэ мог только опустить взгляд, поднять руку и кое-как потрепать мужчину перед собой по голове.

— Всё. Теперь можно?

Волчонок не стал затруднять Цзян Лэ и наконец отступил.

Все питомцы уже успешно проснулись после повышения. Когда мутировавший женьшень узнал, что сначала они не вернутся на ферму, он всё время вздыхал и сокрушался, считая, что его отпуск отняли. Это было очень негуманно.

Только когда Цзян Лэ пообещал через внутренние сообщения передать Фэн Юню сведения, которые женьшень хотел сообщить, чтобы маленькая лечебница могла поддерживать базовую работу, мутировавший женьшень наконец замолчал. Он начал использовать бумагу и ручку, которые дал ему Цзян Лэ, и записывать информацию, предназначенную для Фэн Юня.

Во время этого повышения фермы, из-за очередного роста населения, многие здания тоже должны были обновиться и расшириться. Цзян Лэ сказал мутировавшему женьшеню, что среди новой партии беженцев есть и люди, которые до конца света были врачами. Тогда их можно будет нанять, чтобы они разделили с ним часть нагрузки.

Поначалу мутировавший женьшень решил, что у него отбирают кусок пирога, и был недоволен. Но после уговоров Цзян Лэ он тоже признал: если сам он долго будет отсутствовать на ферме вместе с Цзян Лэ, маленькой лечебнице всё равно понадобятся профессионалы, которые смогут за ней присматривать. Поэтому он с трудом согласился, что во время его отсутствия другие люди могут принимать пациентов. Только он всё равно сказал Цзян Лэ: даже если врачей наймут, когда он вернётся, они должны будут пройти его обучение.

Теория мутировавшего женьшеня была такова: нынешняя среда мира уже совершенно не такая, как раньше, и принципы всевозможных болезней тоже изменились. Если слепо применять прошлый опыт, лечение не обязательно даст положительный результат.

Цзян Лэ счёл, что в этом есть смысл, и согласился с требованием мутировавшего женьшеня.

Но всё это были дела на потом. Сейчас небо уже стемнело. Цзян Лэ собирался отдохнуть с питомцами одну ночь, а потом отправиться в путь.

Он решил ещё раз съездить на базу Дунфан и посмотреть, чего Сян Пин добивается всеми своими действиями.

У ворот базы Дунфан людей было намного больше, чем в прошлый приезд Цзян Лэ. Очередь естественным образом разделилась на два потока: с одной стороны стояли обладатели способностей, с другой обычные люди.

Цзян Лэ с самым обычным лицом симитировал ауру обычного обладателя растительной способности 4-го уровня и вместе с волчком встал в очередь.

После превращения в человека волчок мог лишь скрыть свою мощную ауру способности, но не мог, как Цзян Лэ, имитировать конкретную ауру обладателя способности. Поэтому ему оставалось притвориться обычным человеком и временно встать в очередь обычных людей.

С такой выдающейся внешностью, как у волчка, даже приличная одежда в подобное время

не была чем-то редким. Когда он стоял в очереди обычных людей, большинство тоже не решалось подходить к нему слишком близко или специально задирать его.

Очередь обычных людей двигалась быстрее. Волчонок вошёл на базу Дунфан раньше Цзян Лэ. Когда Цзян Лэ зашёл внутрь, волчонок стоял у городской стены с чёрным от злости лицом и полным убийственного намерения взглядом смотрел на двух ухмыляющихся обладателей способностей перед собой.

— Братишка, пойдём с нами куда-нибудь развлечёмся, гарантирую, тебе понравится!

— Да я смотрю, это тебе самому хочется понравиться, — другой обладатель способности рядом с ним подмигивал и кривлялся, а его взгляд на волчонка был жадным, будто он умирал от голода.

Холодное лицо волчонка их ничуть не смущало. Они даже находили в этом особый вкус.

У Цзян Лэ на расстоянии мурашки пошли по коже. К счастью, он заранее предупредил волчонка: после входа на базу нельзя действовать опрометчиво. Иначе волчонку хватило бы одного движения, чтобы за считанные секунды превратить этих двоих в спрессованное человеческое мясо.

Чтобы не допустить взрыва волчонка, Цзян Лэ тут же шагнул вперёд и заслонил его одной рукой. Двум мужчинам он сказал без всякой вежливости:

— Что творите? Он занят. Валите от него подальше.

Хотя они и понимали, что у такого красавца в конце света вряд ли не будет покровителя, увидев Цзян Лэ, оба обладателя способностей всё равно ощутили некоторое сожаление. А когда они увидели, как красавец, который до этого долго стоял с холодным лицом, заметив Цзян Лэ, тут же изменился в лице, им стало ещё досаднее.

— Цветок в навоз воткнули, — пробормотал один.

— Красавчик, разве мы двое не лучше этого? — другой прямо указал на Цзян Лэ и спросил волчонка.

Цзян Лэ изменил внешность и рост. Теперь в глазах посторонних, если принять его и волчонка за пару, разница между ними, конечно, ещё не доходила до уровня Пань Цзиньлянь и У Далана, но всё равно была немалой.

Цзян Лэ почему-то показалось, что эта сцена немного смешная. Но почти сразу он почувствовал, как его талию сжали. Волчонок протянул руку и обнял его. Цзян Лэ уже было не до смеха. Он только ощущал, что рука на его талии слишком горячая.

— Валите. Не заставляйте меня повторять, — волчонок наконец заговорил, и от его голоса будто сыпались ледяные крошки.

Перед ними явно стоял обычный человек под защитой, но его напор заставил двух обладателей способностей с дурными мыслями одновременно ощутить холод. В этот миг будто поменялись местами обладатель способности и обычный человек: обычный человек стал защитником, и почему-то казалось, что у него действительно есть такая сила.

К тому же охрана рядом уже обратила внимание на происходящее. Два обладателя способностей не хотели навлечь на себя лишние неприятности и наконец ушли, что-то недовольно бурча.

Только тогда Цзян Лэ вспомнил, что надо оттолкнуть руку волчонка.

— Всё, пошли, — сказал он, не оборачиваясь.

Но чтобы избежать лишних проблем, Цзян Лэ всё же позволил волчонку держать себя за руку. Для их нынешней связки из обычного человека и обладателя способности лучшей маскировкой было притвориться парой. В конце света такие сочетания были совсем не редкостью, причём встречались самые разные комбинации полов.

Цзян Лэ снял номер с двумя кроватями в гостинице, где он останавливался в прошлый приезд. Он специально выбрал комнату возле главной улицы и на высоком этаже. Войдя с волчонком внутрь, закрыв дверь и убедившись чувствами, что во всём помещении нет ничего странного, Цзян Лэ наконец снял с лица маску, полностью расслабился и некоторое время лежал на кровати, распластавшись.

— Те двое сейчас были мужчины, — вдруг сказал волчонок.

Одновременно с приближением его голоса Цзян Лэ почувствовал, как матрас рядом просел.

Цзян Лэ открыл глаза и посмотрел на волчонка сбоку.

— Мужчины. И что?

— Они говорили такое, потому что они гомосексуалы? — спросил волчонок.

Его тон был слишком спокойным, словно им двигали только любопытство и желание узнать.

Поэтому Цзян Лэ тоже занял нейтральную, почти объяснительную позицию:

— Возможно. Но в такое время многие просто хотят сорваться и выплеснуть желание. Это не всегда связано с конкретной ориентацией.

С такой внешностью, как у волчонка, можно было нравиться кому угодно, независимо от ориентации. В прошлой жизни Цзян Лэ тоже встречал людей вроде тех двух обладателей способностей. Поэтому вскоре после начала конца света он перестал заботиться о своей внешности и долгое время ходил грязным и неухоженным. А в последние годы, из-за постоянного недоедания и прочего, он и без специальной маскировки уже не выглядел особенно хорошо.

— А у тебя какая ориентация?

Голос волчонка вырвал Цзян Лэ из воспоминаний.

Всё тот же тон стремления к знанию. В прозрачно-голубых глазах даже почти не было перемен в эмоциях. Но почему-то в этот момент казалось, что он хочет пробраться Цзян Лэ прямо в сердце и рассмотреть его насквозь, изнутри и снаружи.

Цзян Лэ резко сел и толкнул голову волчонка, который смотрел прямо на него. Кончиками пальцев он заслонил волчонку глаза. Прямого ответа он не дал, только сказал:

— Такие вопросы потом не задавай кому попало.

— Почему?

— Без почему. Это просто странно. Нельзя спрашивать.

Чтобы перескочить через эту тему и увеличить расстояние между собой и волчонком, Цзян Лэ просто встал, подошёл к окну и открыл его, впуская ветер.

Был ранний летний сезон. Ветер тоже нёс немного тепла и не мог полностью развеять странное ощущение в душе Цзян Лэ. Он бесцельно перевёл взгляд на людей, которые приходили и уходили по главной улице. К счастью, мысли быстро переключились вместе с наблюдением.

За несколько месяцев с прошлого визита база Дунфан стала намного многочисленнее. Даже сказать «людской поток как тканый узор» здесь было бы ничуть не преувеличением.

Стоило заново осмотреть, как изменилась база Дунфан. Цзян Лэ, опираясь на оконную раму, повернулся к волчонку и спросил:

— Спустимся прогуляться?

Цзян Лэ шёл сквозь толпу. Волчонок держался совсем рядом. Такая плотность людского потока была ему не слишком приятна, и его брови всё время были чуть нахмурены. А ещё множество взглядов, явных и неявных, воспринимали его как слабого. Это сильнее задевало волчонка, заставляя его чувствовать, что его границы нарушают.

Заставить высокоуровневый мутировавший вид притвориться обычным человеком уже было нелегко. Терпеть такие взгляды, вторгающиеся на его территорию, было ещё труднее.

Хозяин и питомец чувствовали эмоции друг друга особенно остро. Если позволить настроению волчонка распознаться, кто-нибудь вполне мог заметить неладное. Цзян Лэ обернулся, взял волчонка за руку и кончиками пальцев провёл по открытой коже. Это было маленькое утешение.

Как бы ни менялось лицо Цзян Лэ, самый глубинный его запах не менялся. Само его существование для мутировавшего волка было успокоением.

К тому же это движение демонстрировало близость между ними и уменьшило количество окружающих взглядов, следивших за ними с дурным интересом.

Плавающая вокруг волчонка злость наконец немного рассеялась. Настроение тоже постепенно стабилизировалось.

Цзян Лэ проходил мимо магазина по обмену кристаллических ядер, куда заходил в прошлый раз. Он не собирался останавливаться, но, бросив взгляд внутрь, увидел знакомую фигуру.

Вэнь Цуньин.

В отличие от прошлого раза, когда тот был горячим и открытым, теперь на лице Вэнь Цуньина появилось несколько шрамов. Выражение у него было холодным. Он стоял перед стойкой и выбирал кристаллические ядра.

Ещё сильнее внимание Цзян Лэ привлекло то, что теперь Вэнь Цуньин уже был обладателем способности 6-го уровня. Это не считалось чем-то чрезмерным, но по сравнению с уровнем во время их прошлой встречи такая скорость повышения для обычного обладателя способности была слишком быстрой.

Вэнь Цуньин заметил взгляд снаружи. Его глаза резко скользнули к двери. Однако он увидел лишь движущуюся мимо толпу. То ощущение пристального взгляда, казалось, было только его иллюзией.

Забрав кристаллические ядра со стойки, Вэнь Цуньин положил их в рюкзак и вышел из

магазина.

Неподалёку от этого магазина на ступенях стояли Цзян Лэ и волчонок. Они смотрели Вэнь Цуньину вслед.

— Ты его знаешь? — спросил волчонок.

— Да, раньше встречались, — кивнул Цзян Лэ.

От Вэнь Цуньина исходила неприкрытая сложная аура, происходившая от самых разных мутировавших существ. Эта смешанная, хаотичная аура была знакома и Цзян Лэ, и волчонку. Если за короткое время можно так переплести множество сложных запахов, источник может быть только один: зона мутаций.

И подобная аура среди людей во всём внешнем городе Дунфана встречалась не так уж редко.

Вспомнив жажду Сян Пина к метеоритам, Цзян Лэ предположил: эти обладатели способностей, вероятно, помогают ему искать следы метеоритов в разных местах.

Пока он размышлял, ухо Цзян Лэ уловило ещё один знакомый голос. Его лицо чуть изменилось. Этот голос был знаком даже волчонку.

Они переглянулись, и каждый сразу понял другого. Одновременно они спустились со ступеней и пошли к источнику голоса.

В той самой закускойной, где Цзян Лэ когда-то заказывал еду, несколько человек сидели за столом и громко разговаривали, сияя от удовольствия.

Один из них был знаком Цзян Лэ до невозможности. Это был сын от второго брака его отца-изменщика, Лю Тяньян.

Лю Тяньян держал миску белого риса и сгребал его в рот. Перед ним сидели ещё двое обычных людей и тоже ели большими глотками.

— Теперь жизнь точно будет другой, — Лю Тяньян облизнул масло у края губ и мечтательно улыбнулся. По сравнению с прошлой встречей он ничуть не похудел, даже, кажется, немного поправился.

Похоже, земледелие на 1-й базе действительно дало заметный результат, и с припасами там не было недостатка. К тому же Лю Цзяньхуа был обладателем способности. Просто прокормить собственного сына для него не составляло труда. А учитывая, что они с Цзян Лэ были родственниками, Ань Цзиньхэ и прочие руководители базы тоже наверняка оказывали отцу и

сыну Лю немало заботы. До такого, чтобы Лю Тяньяну приходилось самому выходить на поиски пропитания, дело точно не дошло бы.

Так зачем же Лю Тяньян приехал сюда?

На самом деле ещё до входа на базу Дунфан Цзян Лэ уловил одну странность: очередь обычных людей у ворот базы Дунфан стала намного длиннее.

Как бы эти люди сюда ни пришли, Цзян Лэ был уверен: это неотделимо от активной агитации базы Дунфан.

Какая очередь длиннее, обладателей способностей или обычных людей, полностью зависело от потребностей Сян Пина.

Тогда чего сейчас хочет Сян Пин?

<http://bllate.org/book/17649/1691117>